

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

А.С. Игнатенко

ПСИХОАНАЛИЗ И ПСИХОЛАМАРКИЗМ

Аннотация. В статье осуществлена реконструкция эволюционных оснований метапсихологии Фрейда, которые представляют собой синтез дарвиновских и ламаркистских идей в сочетании с основным законом Геккеля-Мюллера об онтогенезе как рекапитуляции филогенеза. Отслеживается трансформация эволюционной проблематики в работах последователей Фрейда на примерах Мелани Кляйн и Жака Лакана. Выявляется тенденция к утрате интереса к проблеме филогенетического развития (у Кляйн) и последующей критикой идеи развития онтогенетического у Лакана, что, впрочем, является крайностью, в целом не нашедшей поддержки основной массы аналитиков его поколения. Для которых онтогенетическое развитие остается одним из опорных понятий психоаналитической теории. Одновременно отслеживается формирование междисциплинарной области психоанализа и лингвистики, основой которого как раз и является тезис о направлении филогенетического развития в направлении повышения способности к символизации, в которую позже вливается и философия, восстанавливающая в данной междисциплинарной области присутствие проблемы развития. Использован метод онтоэпистемологической реконструкции, в соответствии с которым любая (даже открыто отрицающая онтологию) концепция содержит ее в себе в силу системного характера философской теории и поддается выявлению (реконструкции). Опираясь на ряд исследований о влиянии эволюционизма дарвиновского и ламаркистского типов, автор провела оригинальное исследование с целью обнаружения аналогичных идей у М. Кляйн, Ж. Лакана, А. Грина, У. Биона, М. Фуко, Ж. Делёза и других. Был сделан вывод об истощении интереса к эволюционистской проблематике у последователей Фрейда, который связан с общим для эпистемологии этого периода переходом от реализма к конструктивизму, от позитивизма – к инструментализму. Данный переход в психоанализе нашел выражение в соответствующем изменении понимания природы центрального для психоанализа понятия – понятия Эдипова комплекса.

Ключевые слова: эволюционизм, междисциплинарность, психоанализ, лингвистика, онтоэпистемология, философия, постмодернизм, структурализм, ламаркизм, Эдипов комплекс.

Фрейд часто представляют как человека, объяснившего мораль и культуру с биологической точки зрения. Ему приписывают реплику: «Человечество всегда знало, что обладает духом; я должен был показать ему, что существуют еще и инстинкты»¹. Действительно, с точки зрения неспециалистов в освещении отдельных вопросов Фрейд выглядит как яркий биологист, но если поместить его работы и высказанные в них идеи в контекст современной ему науки о психическом, то мы увидим совершенно обратное: Фрейд бросает вызов царившему тогда в психологии и психиатрии органицизму и сторонникам фи-

зиологического объяснения всех без исключения психических недугов. Среди историков психиатрии он известен как раз наоборот тем, что показал возможность воздействия сознания на соматическое (телесное) состояние, то есть он скорее является представителем, если не зачинателем, идеалистического подхода в современной психиатрии.

Это обстоятельство, однако, часто выпадает из поля зрения исследователей, идущих на поводу у расхожих представлений о Фрейде как о ниспровергателе религии и морали путем сведения их к биологически фундированным импульсам. Поэтому у них вызывает недоумение тот факт, что Фрейд всю свою жизнь оставался последовательным защитником теории эволюции Ламарка, да еще в самой его «идеалистической» – психоламаркист-

¹ См. статью: Бинсвангер Л. Фрейд и великая хартия психиатрии // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., 1999. С. 53-79.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 13-06-00813а «Эволюционное мышление как основа междисциплинарного синтеза знания»).

ской – интерпретации, вместо того чтобы, как это и подобает «позитивистски» настроенному ученому, примкнуть к разделяемому всеми дарвинизму. Чтобы объяснить этот факт, приводят аргумент, к которому обращается всякий критик теории случайных мутаций Дарвина: если эволюция направляется волевым (сознательным или бессознательным) усилием со стороны организма, способного к тому же передавать по наследству приобретенные характеристики, то эволюции не потребуется того неопределенно долгого времени, чтобы создать столь сложный и совершенный механизм, каким является человеческое тело². Конечно, Фрейд в свою очередь мог повторять этот аргумент, так как он лежит на поверхности и трудноопровержим, но наивно и поверхностно было бы думать, что именно в нем коренится причина приверженности Фрейда психолamarкизму.

В письме Георгу Гроддеку от 5 июня 1917 г. Фрейд пишет, что «теория эволюции Ламарка совпадает с финальными выводами психоаналитического мышления»³. Это значит, что психолamarкизм и психоанализ принадлежат одной концептуальной системе, развивая и дополняя друг друга. И я уже начала говорить, почему это так: потому что и психолamarкизм, и психоанализ утверждают, что не только состояния тела определяют состояния сознания, но что и сознание может влиять на тело. В другом письме, теперь уже Карлу Абрахаму, от 11 ноября 1917 г. Фрейд пишет: «орган создается и трансформируется ни чем иным как бессознательными идеями собственного тела». Утверждение, что живое существо способно отрастить и существенно видоизменить собственный орган и впрямь должно завораживать того, кто с большим трудом когда-то сопротивлялся органицистским объяснениям происхождения истерических параличей, которые материалистически ориентированными неврологами традиционно выводились из церебральных повреждений.

Конечно, найти бесспорные и наглядные подтверждения психолamarкизму практически невоз-

можно еще и теперь⁴, после того как психоанализ прошел столетнюю историю своего развития. И Фрейд, так и не отрешившись от своих убеждений в его правоте, не смог, тем не менее, в полной мере реализовать некогда задуманного им проекта по включению теории эволюции Ламарка в психоаналитическую теорию, ограничившись известными исследователям идеями, высказанными в «Тотеме и табу», «Моисее и монотеизме» и еще в нескольких местах. Но тот, кто видит в психоанализе нечто большее, чем просто (не слишком удачное) оправдание инцестуозных влечений, способен прочувствовать жизнеутверждающий пафос, присущий как психо-эволюционизму Ламарка, так и психо-эволюционизму Фрейда: несмотря на все трудности и потери, которые мы несем на пути нашего видового развития (прежде всего, психически больными), мы все-таки развиваемся в направлении большей приспособленности к этому миру, а значит и большей свободы.

Психо-лармаркизм постулирует способность организма развиваться в направлении, заданном собственными волевыми импульсами, передавая результаты такого развития по наследству своим потомкам⁵. Фрейд принимает данную интерпретацию эволюции, одновременно отмечая бессознательный характер таких импульсов. Он также под влиянием Дарвина принимает и допущения основного биогенетического закона Геккеля-Мюллера, по которому онтогенез есть рекапитуляция филогенеза, то есть онтогенетическое и филогенетическое развитие идут одним путем: конкретная особь повторяет в своем развитии фазы, уже пройденные ее видом⁶, – добавляя к нему идею Ламарка о том,

⁴ Современная эпистемология, впрочем, подвергла основательной критике идеологическое в своей основе утверждение о том, что научная гипотеза подтверждается исключительно фактами, полученными экспериментальным путем. В той мере, в какой мы все имеем дело не с фактами, а их интерпретациями, принятие и отвержение гипотезы происходит скорее в силу идеологических, религиозных, политических, экономических причин. Апелляция к «реальному положению вещей» – есть лишь священная формула легитимации, за которой стоит та или иная форма социальной власти.

⁵ См. например, работы Э.Д. Коупа, на которого ссылались и Бергсон, и Фрейд.

⁶ См. третью главу работы Фрейда о Леонардо да Винчи: «Мы подготовлены вескими биологическими аналогиями к тому, что духовное развитие индивидуума вкратце повторяет ход развития человечества». (Фрейд З. Леонардо да Винчи: воспоминания детства. (<http://tainoe.o-nas.info/index.php/books/74-freid09/475-freid0903>)).

² Этот аргумент прекрасно и подробно изложен другим близким к психолamarкизму мыслителем Анри Бергсоном, в его знаменитой «Творческой эволюции» на примере развития глаза млекопитающего из пигментного пятна моллюска. См.: Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2001. С. 89-108.

³ Sulloway F.J. Freud. Biologist of mind. Beyond the psychoanalytic legend. N.Y., 1979. Н. 275.

что новое достижение отдельного представителя данного вида может быть передано потомству и вывести вид на более высокий уровень развития, способствуя развитию вида в соответствующем направлении.

Теперь посмотрим, как конкретно эта концепция получает выражение в психоанализе, в самой общей его части, которую вслед за Фрейдом принято именовать метапсихологией. Онтогенетическое развитие очевидно: ребенок совершает головокругительный рывок от беспомощного и, как по крайней мере кажется, полностью дезориентированного относительно реальности тельца до создателя дифференциального исчисления или «Божественной комедии». Теория онтогенетического развития – стержень психоаналитической мысли. Фазы психического созревания в той или иной их версии, также как и возможность регресса, сползания вниз по лестнице развития в случае личных психологических катастроф, сохраняются в любой версии психоанализа по сей день. С филогенетическим развитием дело обстоит несколько сложнее. Где, собственно, мы можем с очевидностью наблюдать эволюцию сознания в масштабах всего человеческого вида?

И тут Фрейд высказывает мысль, которая определит развитие философии еще на столетие вперед и сделает его, Фрейда, одним из самых цитируемых авторов XX века. Фрейд говорит: «**Человечество эволюционирует в направлении способности к символизации**»⁷.

Между прочим, в этой фразе, кажущейся совершенно безобидной на фоне других, гораздо более растражированных идей автора «Толкования сновидений», заложена бомба, которая взорвет всю классическую эпистемологию. И, как следствие, даст психо-ламаркизму шанс конкурировать с общепризнанной дарвиновской теорией⁸.

⁷ Эта идея не принадлежит собственно Фрейду. Она была высказана еще Ч. Дарвиным в его работе 1872 г. «The expression of the emotions in Man and animals», которую Фрейд вспоминает в «Исследовании истерии», объясняя симптом Элизабет фон Р.

⁸ Поскольку, если развития человечества есть разрастание области символического, все более автономизирующейся от мира «реальных» физических вещей, то знание уже не поверяется соответствием понятийных систем этим вещам: в области знания циркулируют совершенно иные, не связанные напрямую с «объективной реальностью» закономерности, формирующие дискурсивные образования, которые вдохновленный Ницше Фуко назвал «властью-знанием».

Фактически Фрейд, конечно не в одиночку, открыл тот факт, что человечество постепенно переселяется в мир символов, или знаков⁹, который само же и разрабатывает. Ценность деятельности Фрейда и исключительность его положения в списке тех, кто так или иначе говорил о том же, заключалась в том, что он не только постулировал наличие этого символического мира и его постоянное разрастание, но и на практике, в результате своих многочисленных анализов, показал, что воздействие одной символической системы (системы психоанализа) на другую (системы пациента) может привести к соматическим изменениям, облегчению симптомов, радикальному улучшению качества жизни. То есть наличие символической вселенной и ее роли в жизни современного человека было экспериментально подтверждено.

Эта тема возникновения на протяжении человеческой истории знаковой реальности и вытеснения знаками собственно вещей станет центральной для зародившегося во Франции постмодерна, включающего в себя как свою методологическую часть постструктурализм, который, в свою очередь, как это и следует из названия, переосмысливает структурализм. А структурализм – это прежде всего психологист в области языкознания Фердинанд де Соссюр и структурный психоаналитик Жак Лакан. На примере двух этих фигур: лингвиста психологической ориентации и психоаналитика с уклоном в лингвистику, – мы как нельзя более наглядно можем наблюдать слияние теории психического и теории языка с образованием междисциплинарной области, которая приведет к радикально новой теории знания в целом.

Это обстоятельство, в свою очередь, не останется незамеченным философией, которая тут же выстроит на нем свой новый вариант эпистемологии, который я уже начала излагать.

И здесь происходит удивительное и отчасти ироничное переворачивание ситуации: Фрейд постулировал филогенетическое развитие способности к символизации, которое было бы весьма проблематично доказать, если бы эту его теорию не подхватил еще десяток талантливых энтузиастов, которые привели современную гуманитаристику (но не только ее, фактически все знание с этого момента стало «гуманитарным»!) в состояние панлингвизма, когда язык и впрямь начал восприни-

⁹ Фрейд не делает различия между знаком и символом, как потом не будет делать этого различия и Жак Лакан.

маться как дом бытия, а лингвистика, по крайней мере отчасти, подменила собой и психоанализ, и философию, и этнологию, а также отчасти легла в основание кибернетики. То есть доказательством правоты теории Фрейда стали результаты развития той его теории, которую собственно требовалось доказать. Такой вот эпистемологический волюнтаризм, роль личности в истории развития знания.

Я хочу остановиться на этой мысли подробнее: мы имеем здесь дело не просто с развитием некоей философской концепции рядом настойчивых и преданных последователей. Теория языка, объединившись с наработками механицизма, что обеспечило реальное слияние гуманитарных и точных наук в лице структурной лингвистики, на самом деле легла в основу множества различных областей знания и, в конце концов, сыграла свою роль в создании компьютерных технологий, обеспечившем эволюционный рывок человечества.

Таким образом, Фрейд высказывает идею о филогенетическом развитии в направлении повышения степени символизации, одновременно задавая мощнейший импульс исследованию природы символического/знакового, что, в свою очередь, действительно приводит к установлению всего здания человеческого знания на фундамент символического. Потом исходная мысль забывается, следующие поколения психоаналитиков вспоминают о филогенетическом развитии все реже, и, наконец, совершенно перестают им интересоваться. Но само развитие продолжается, и притом именно в указанном мэтром направлении, что в конце концов замечают философы: Фуко, Делёз, Деррида.

Жак Лакан: ведёт ли сублимация к эволюции?

Отношение Лакана к эволюции можно назвать амбивалентным. С одной стороны, он открыто критикует Юнга именно за десексуализацию либидо (которая у Фрейда эксплицитно описана как результат и признак сублимации, являющейся фактически синонимом онтогенетической психической эволюции), с другой стороны, он фактически создает теорию речи как продукта сублимации, заявляя, что сексуальные отношения по мере культурного развития замещаются болтовней.

Этой теме посвящен весьма юмористичный фрагмент его семинаров 1972-73 гг., в котором речь идет о «другом» удовлетворении. Поскольку «у говорящих существ отношений между полами не

получается»¹⁰, им приходится удовлетворяться другим: чтением, беседой, мыслью, то есть – наслаждением бытием¹¹. Однако и здесь вы не вырвете у Лакана признания развития. Впрочем, возможно, дело в том, что вектор, организующий очевидные изменения в структуре сознания от детства к взрослости не кажется Лакану позитивным, поэтому он предпочитает о развитии говорить как можно меньше. Так, он отмечает, что ребёнок гораздо в большей степени включен в окружающий реальный мир, но что взрослый, уходя в мир символов, сбегает от реальности в то царство, где он может позволить себе больше контроля, больше маэстрии. «Развитие как таковое путают с ростом господства, маэстрии. ...я – маэстро, у меня есть власть, власть над собой и власть над вселенной»¹². И власть эта в большой степени заключается в том, чтобы «возместить отсутствие сексуальных отношений, притворяясь, будто мы сами этим отношениям полагаем препятствия»¹³. Конечно, Лакан как будто бы забывает, что попутно, возможно, в качестве некоего избыточного побочного эффекта, вырастает гигантский мир культуры, включая сюда и науку, и сам психоанализ. Но он все равно старательно избегает слова «сублимация», называя – явно неудачно – этот процесс смены реального секса болтовней по самому различному поводу вытеснением.

С одной стороны, Лакан пишет, что «лучше бы и вовсе не опираться на лжеэволюционистские концепции»¹⁴, но с другой – как вообще можно обойтись без теории развития в области знания, изучающей психическое развитие как таковое? И, разумеется, Лакану самому постоянно приходится употреблять термин «развитие» и «эволюция». Лакановская метапсихология может быть представлена как теория развития Я. И в этом смысле неслучайно, что у его преданных последователей – Фуко и Делёза – рано или поздно возникает теория самоконституирующейся субъективности.

Лакан отталкивается от идеи Фрейда о том, что «единицы, сравнимой с собственным Я, не су-

¹⁰ Лакан Ж. Семинары. Книга 20. Еще (1972-1973). М., 2011. С. 79.

¹¹ «Мысль – это наслаждение. То новое, что принес аналитический дискурс и что в философии бытия было уже намечено, состоит вот в чем – существует наслаждение бытием». (Там же. С. 84).

¹² Там же. С. 68.

¹³ Там же. С. 82.

¹⁴ Там же. С. 169.

ществует от рождения, и что Ich предстоит установиться в развитии»¹⁵. «Я» у Лакана – это функция воображаемая, а стадиями развития, которые проходит психический индивид, являются знаменитые «реальное – воображаемое – символическое». Символическое – это, разумеется область языка. (Лакан в терминологическом отношении не различает знак и символ, поэтому его понятие «символического» в постмодернистской философии фактически будет заменено понятием «знакового».) Так вот, эволюция по Лакану заключается в разрастании символического и усыхании реального. Человек переезжает в мир языка, мир слов, знаков, все дальше отрываясь от мира вещей. Психотик, как без обиняков пишет Лакан, распрощался не только с реальным, но и с воображаемым, и слишком быстро полностью переселился в мир символического. «Что же в первую очередь инвестируется, когда психотик реконструирует свой мир? – Слова»¹⁶. В то время как невротик поддерживает продуктивные отношения с воображаемым, а через него сохраняет способность адекватно действовать в общей матричной реальности, сочетающей в себе реальный, воображаемый и символический аспекты. Фактически Лакан на свой лад, с позиции теории речи, повторяет идею о том, что безумец – это одинокий выскочка, обогнавший эволюцию, либо фило-, либо онтогенетическую.

Не реабилитирует ли он таким образом, хотя бы отчасти, антипсихиатрию? Конечно, всякая психоаналитическая концепция безумия является его реабилитацией по сравнению с соматически ориентированной психиатрией. Кроме того, раскритиковав Юнга за предоставленную его теорией лазейку для безумца прикинуться аскетом и мистиком, сам Лакан, используя максимум позднего Витгенштейна о том, что важно не значение слова, а его употребление, укрепил взгляд на безумие, который до него высказал Жорж Батай¹⁷, а после него, в том числе, и Вадим Руднев¹⁸: что безумец –

это тот, кто неправильно использует язык. Только и всего. Вопрос о том, каким образом неправильное использование языка может причинять душевно-больному поистине невыразимые муки, в этой теории остается совершенно без внимания.

Однако, несмотря на принципиальную возможность подобного толкования, сам Лакан этого не утверждает. Утверждает он совершенно обратное: а именно, что болезнь проявляется в речи. Что *речь сама по себе является формой бытия*, и что симптом рано или поздно захочет взять слово. В принципе эту установку можно считать классической, примерно то же самое писала Анна Фрейд в своей хрестоматийной работе «Я и механизмы защиты». Но мы, тем не менее, понимаем – возможно потому, что смотрим на этот процесс из будущего и знаем, что будет дальше – что происходит нечто трагическое для психоанализа, что в лице Лакана имеет место некая принципиальная подмена психики сознанием, а сознания – языком, которая в результате и приведет к серьезному расшатыванию психоаналитического здания.

То есть, несмотря на собственную неоднозначную оценку этого процесса, Лакан подтверждает тезис Фрейда о том, что культура вынуждает нас отказывать себе в удовлетворении первичных сексуальных импульсов, сублимировать сэкономленную таким образом либидозную энергию и инвестировать ее в область символического, развивая и усложняя знаковую вселенную, над которой у нас, в отличие от вселенной материальной, больше контроля. Внимательный читатель, не говоря уже о специалисте, без труда заметит, что этот процесс сублимации сексуальной энергии и ее инвестиции в виртуальный мир, где желания исполняются гораздо чаще, чем в мире актуальном, имеет отчетливые психотические характеристики. Т.е. культура есть по сути разновидность контролируемого психоза. Тогда неудивительно, что подлинный психоз, с точки зрения теоретика психического, стоящего на позиции пансемиотизма – следствие личной неудачи в предприятии онтогенетической эволюции, которая каждое последующее поколение ведет все глубже в дебри символической вселенной, одновременно требуя от индивида не терять связи с миром реального. Этот виртуозный серфинг по граням между реальным, воображаемым и символическим требует особой психической выдержки, способности психики выносить все большее количество возбуждения, не позволяя постоянно обнажающимся в этом головокружительном предприятии парадоксам

¹⁵ Там же. С. 153.

¹⁶ Там же. С. 155.

¹⁷ «И о том, кто не говорит по правилам языка, рассудительные люди, которыми нам следует быть, говорят, что он безумец. Мы сами боимся стать безумцами и соблюдаем эти правила с великим беспокойством». Acéphale. Religion. Sociologie. Philosophie. 1936-1939. Paris, 1995, № 5, 1939, p. 3.

¹⁸ См.: Руднев В. Словарь безумия. М., 2005. В этом словаре почти каждая статья включает определение безумия как утраты контакта с семиотической реальностью.

разорвать себя пополам. Именно благодаря такому пониманию природы психопатологии мы способны заметить, что метапсихология Фрейда, пусть и пересмотренная и даже местами отринутая Лаканом на некотором внешнем, декларативном уровне, продолжает свою глубинную работу.

Недостаток символизации, срыв в овладении символическим – вот что видит психоаналитик лакановского толка прежде всего в любом психическом нарушении. Эта тенденция особенно заметна в детском психоанализе, чьи специалисты чаще всего привлекаются в случаях, когда налицо задержка в развитии. Знаменит случай Дика – пациента Мелани Кляйн, и прогресс в его развитии, начавшийся с комментария Кляйн: «Ты маленький поезд, ты хочешь попасть в свою мать». «С какой резкостью Мелани Кляйн навязывает маленькому Дику символизм!» – восклицает по этому поводу Лакан¹⁹. И дальше он пишет: «Она сразу же швыряет ему важнейшие интерпретации, грубую и столь же коробящую как наш, так и слух любого другого читателя, вербализацию мифа об Эдипе».

Как связана символизация и Эдипов комплекс?

На самом деле, Эдип очень важен для нас с точки зрения демонстрации отличия Фрейда от Лакана, а фрейдовского понятия символа от лакановского знака. При том, что Лакан не устает повторять, что всего лишь внимательно читает Фрейда, между ним и его учителем лежит эпистемологическая пропасть. И пропасть эта проходит по территории проблемы знака и его отличия от символа. Фрейд все еще связывает символ с некоторой исходной реальностью, и это – реальность мифа об Эдипе. Символ Фрейда – это классический символ, намертво прикованный к единственной вещи, которую он символизирует. Просто цепочка, которой он к ней прикован, может быть очень длинной и запутанной. Распутывать эту цепочку и, в конце концов, связать символ, предложенный пациентом, с вещью, которую он только и способен символизировать – с эдиповым отношением к родителям – собственно, и призван анализ. С чего бы ни начал пациент, аналитик классической фрейдовской школы отлично знает, чем кончится все дело: тем, что пациент поверит, будто все его проблемы – в сексуальном влечении к матери и смертельном со-

¹⁹ Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа (1953-1954). М., 2009. С. 93.

перничестве с отцом. Длительность анализа объясняется не трудностью интерпретации – она, как раз, проще пареной репы! – а временем, необходимым, чтобы сломить сопротивление пациента, подчинить его волю, добиться его доверия и наконец навязать ему необходимую интерпретацию. Фактически это – манипуляция сознанием, но Фрейд так не считает, поскольку он свято верит в универсальный характер Эдиповой ситуации, в то, что каждый ребенок сталкивается с ней в возрасте четырех – пяти лет.

У Лакана ситуация совершенно иная. В отношении к Эдипову мифу он скорее инструменталист. В отличие от Фрейда, который остается на позиции реалистского подхода к символу и всерьез полагает, что пациент реально переживал в детстве драму античного царя, Лакан пишет, что «фантазмический облик травмы гораздо важнее событийного»²⁰. Не важно, что на самом деле произошло с пациентом. Главное – так на основе предложенного им материала (снов, ассоциаций и т.п.) так *переписать его личную историю*, чтобы он удостоверил ее подлинность и поверил, что теперь проблема решена.

Если на Фрейда работала «правда жизни» самого пациента, которую аналитик всего лишь должен был разоблачить, то Лакан такой помощи от самой жизни пациента лишен. В его случае анализ превращается в настоящую и откровенную манипуляцию сознанием. И здесь, очевидным образом, аналитик выступает не столько *археологом* прошлого своего пациента, сколько *архитектором* новой виртуальной реальности, а значит, к качеству его личности, его нравственным принципам, уровню интеллекта и собственному психологическому благополучию применяются гораздо более высокие требования. Настолько высокие, что едва ли кто-то может им удовлетворять²¹.

²⁰ Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа. (1953-1954). М., 2009. С. 49.

²¹ Это осознает и сам Лакан, вопрошая: «Должны ли беседы в духе широкой диалектической традиции, затрагивающие существо понятий справедливости и отваги, стать частью нашего аналитического вмешательства? Это вопрос. Решить его нелегко, поскольку современный человек стал поистине на редкость способен затронуть такие значительные темы. Он предпочитает разрешать вопросы в терминах поведения, адаптации, групповой морали и прочего вздора. Откуда и вытекает вся серьезность проблемы подготовки аналитика с точки зрения формирования его как человека». (Там же. С. 263).

Психоаналитик Лакана должен быть святым, а своему пациенту он должен отрастить, ни много ни мало, интеллект, мужество, веру, честь, способность любить и много еще чего подобного.

Потому что без всего этого развитие невозможно, а невроз – это и есть внешнее, этологическое, а также внутреннее, психологическое, проявление сбоя в этом самом развитии, даже если это развитие и сводится, как выражается сам Лакан, к повышению степени маэстрии, иллюзии контроля над реальностью за счет увеличения в ней доли символического, то есть знакового.

Итак, мы увидели, что Фрейд в отношении теории символического – реалист, а Лакан – конструктивист. Фрейд верит, что символ привязан к единственной символизируемой им вещи, а Лакан оперирует свободными означающими, формирующими временные квази-автономные конструкты и связанными со своими означаемыми лишь определенной (потенциально изменчивой) практикой (употреблением, а не значением).

Если искать этой перемене в понимании природы знака историко-философское объяснение, то у него есть имя: Фердинанд де Соссюр. Поэтому когда Мишель Фуко в своем докладе «Ницше, Фрейд, Маркс» приписывает Фрейду открытие этого нового, свободного от своего означаемого и увязанного с другими означающими, знака, он, разумеется, судит о Фрейде по его Лакановской интерпретации и не дает себе достаточного труда проанализировать разницу между ним и Лаканом. В отличие от Ницше, который в последний работоспособный период своей жизни действительно осуществил радикальную семиотизацию реальности («Нет фактов, одни интерпретации»), Фрейд никогда не порывал с «реальным миром», проводя жесткое различие между фактом и фантазмом, что, собственно, неудивительно для того, кто считает себя человеком науки.

Мелани Кляйн и роль пространственных представлений в формировании сознания

Среди многочисленных последователей Фрейда Мелани Кляйн занимает заметное место не только потому, что, доказав возможность психоанализа детей (в чем сомневался сам Фрейд), она выдержала борьбу с самой Анной Фрейд, но и потому, что кляйнианский анализ успешно сохраняется по сей день, сформировав собственную школу, которой принадлежали весьма талантливые последователи вроде Дональда Винникотта и Уилфреда Био-

на, а также Жиль Делёз. Успех и влияние в теоретическом психоанализе Мелани Кляйн снискала благодаря оригинальной метапсихологической концепции, в которой идеи Фрейда развиваются в направлении того, что сам Фрейд называл топологией, применением пространственных схем для описания психических процессов. Здесь, в развитии этих двух тем: символизации, с одной стороны, и опространствливания, с другой, – намечается интересная концептуальная связь символа и пространства (которая также получит продолжение в постмодерне). Данная психофилософская традиция (от Фрейда через Мелани Кляйн и Лакана к Фуко, Делёзу и Деррида) покажет возможность развития мышления как через повышение уровня символизации, так и через усложнение, эволюцию человеческих представлений о пространстве, а, следовательно, возможностей для новой логики. Но одновременно психоаналитическая традиция, чьими вехами являются Фрейд, Кляйн и Лакан демонстрирует нам еще кое-что: истощение эволюционной идеи, которое, как я постараюсь показать, идет рука об руку с истощением веры в реальность психического, подменой психического символическим, а, следовательно, отказом от возможности построения позитивного знания о психическом.

Итак, Мелани Кляйн делает понятие онтогенетического развития опорным для своей метапсихологии, что неудивительно, коль скоро главной проблемой, с которой она сталкивается в терапевтической практике, является задержка или отклонение этого самого развития у ее маленьких пациентов. Результатом нормального развития, по Кляйн, является способность к объектным отношениям, в которых участвуют целостные объекты родителей (прежде всего, матери – «первичного объекта»). В отношении кляйнианской реконструкции психической реальности младенца сразу следует отметить одну интересную вещь: ребенок существует прежде всего в своем внутреннем мире, который Фрейд назвал бы галлюцинаторным. Этот мир наполнен странными объектами и сильно напоминает мир психотика. Изначально объекты внутреннего мира имеют частичную природу: сосок, грудь (но без соска), фаллос, кусочки экскрементов, порции материнского молока. Эти объекты могут быть двух качеств: хорошими и плохими, несущими и вызывающими любовь или агрессию. Мелани Кляйн возводит эти две качественные характеристики к двум основополагающим инстинктам Фрейда: жизни и смерти, Эросу и

Танатосу. Однако она не может объяснить, почему у одних детей в их психической жизни превалирует инстинкт жизни, а у других – смерти. Отдавая дань роли благоприятных и неблагоприятных факторов рождения и первых месяцев жизни, она тем не менее вынуждена признать, что на одних детей неблагоприятные факторы оказывают стимулирующее действие (здоровая психика нуждается во фрустрациях, которые заставляют ее мобилизоваться), в то время как на других они действуют разрушительно. Кляйн делает вывод о конституциональном (врожденном) соотношении Эроса и Танатоса в психике конкретного младенца.

В принципе, перед нами – самодостаточная метапсихологическая теория, не нуждающаяся в филогенетической эволюционистской теории. Тем не менее, Кляйн находит проблему, которая позволяет ей, по крайней мере отчасти, солидаризироваться с эволюционистскими установками Фрейда. Она пишет, что у каждого младенца, независимо от того, кормили ли его грудью или из бутылочки, есть врожденное представление о груди и некие зачаточные психические отношения с ней. «Тот факт, что с самого начала постнатальной жизни существует бессознательное знание о груди, и что по отношению к ней переживаются определенные чувства, может быть объяснен только как *филогенетический наследственный фактор* (курсив мой – А.И.)»²² В дальнейшем, как на это укажет и Андрэ Грин, в психоанализе возникнет тенденция отождествлять кляйнианскую «грудь» и мать вообще, что сведет данный реверанс Кляйн в сторону учителя на нет. Правда, такое понимание груди будет уже не вполне психоаналитичным, что отмечает и сам Грин.

Таким образом, мир младенца – это мир внутренних состояний, в котором есть как приятные эмоции любви, так и агрессивные состояния, рождающие в свою очередь тревогу. Поскольку внутренний мир является исходным по отношению к внешнему, формирующемуся последовательно в процессе первых месяцев постнатальной жизни, аутоэротическое или, сокращенно, аутистическое состояние погруженности в собственный внутренний мир является естественным и более простым по сравнению с освоением внешней материальной реальности. Не правда ли, такое понимание динамики развития психики добавляет кое-что к представлениям Лакана, который считает младенца

гораздо более включенным в физическую реальность, смотрящим на мир «во все глаза». Разумеется, младенец будет смотреть на этот внешний и такой сложный мир во все глаза, если развитие идет правильно, и у него нет особых причин прятаться назад во внутренний мир собственной сновидной реальности. Но для того чтобы маленький человек в принципе допустил, принял существование этого внешнего мира, необходимо, по Кляйн, чтобы его внутренние процессы были достаточно позитивны, чтобы инстинкт жизни превалировал над инстинктом смерти, поскольку внешняя реальность конституируется благодаря проекциям вовне внутренних психических содержаний. Если эти содержания в основном агрессивные, то, спроецированные вовне, они превратятся в преследователей, вызывая труднопереносимую персекуторную (связанную с идеей преследования) тревогу. Мир окрасится в тона опасности, и ребенок будет искать защиты в аутоэротических состояниях, которые достигаются, в том числе, путем дезинтеграции, расщепления слабого Эго. Таков вкратце и механизм шизофрении. (Это замечание согласуется с пониманием шизофрении Блейлером – последователем Фрейда и автором данного термина, считавшим аутизм главным симптомом шизофрении.) По мнению Кляйн, в первые месяцы жизни, когда его Эго, ядро его самости, еще слабо, ребенок постоянно переходит от состояния включенности во внешнюю реальность и усиления, интеграции Эго, когда доминирует инстинкт жизни, к состоянию дезинтеграции Эго и ухода в себя под воздействием персекуторных тревог, когда верх берет инстинкт смерти. Эта фаза в психическом развитии была названа ей параноидно-шизоидной позицией. Ее неблагоприятное прохождение в дальнейшем является, по Кляйн, главным фактором в развитии психотических расстройств. Если все идет нормально, то ребенок все больше времени проводит во внешней физической реальности, налаживая интерперсональный контакт с матерью. Отдельные части ее тела: сосок, грудь, глаза, улыбка, – интегрируются в целостный объект. Постепенно ребенок начинает относить хорошую грудь (дающую молоко, питающую и успокаивающую, вызывающую любовь) и плохую грудь (которая уходит, не кормит, когда просишь, или душит, заставляя захлебываться молоком) к одной и той же матери. Ребенок чувствует, что его агрессивные и любовные импульсы были направлены на один и тот же объект, который может быть как хорошим,

²² Развитие в психоанализе / М. Кляйн и др. М.: Академический проект, 2001.

так и плохим. Это новое переживание порождает в нем новый, высокий тип грусти: депрессивную тревогу. Если любимый объект был хорошим и вот стал плохим, не останется ли он таковым? Если младенец с жадностью опустошал мать и (в своих бессознательных фантазиях) заполнял ее своими экскрементами, не повредил ли он таким образом любимый объект? Все эти сомнения возможны лишь тогда, когда мать обрела целостность, когда она больше не распадается на две ипостаси матери и злой ведьмы. И это означает новый этап зрелости психики в ее собирании реальности. Защитой от этих новых, более зрелых депрессивных тревог является, с одной стороны, любящее поведение матери, показывающее, что даже если она была какое-то время «плохой», она снова станет «хорошей», а, с другой стороны, преодоление агрессивных импульсов самого младенца и замены их на стремление защитить любимый объект. Неблагополучное прохождение этой позиции в дальнейшем может, по Кляйн, вызвать невротические отклонения.

Таким образом, мы видим, что вместо оральной, анальной и генитальной фаз Фрейда, не отрицая их полностью, Кляйн предпочитает работать с понятиями параноидно-шизоидной и маниакально-депрессивной позиций. Интересно также, что ребенок не проходит эти позиции раз и навсегда: существует циклическая динамика, в соответствии с которой психика, в том числе и взрослого, пройдя депрессивную фазу, возвращается к параноидно-шизоидным состояниям, за которыми вновь следует депрессивный выход. Собственно, момент перехода, смена позиции, очень важен и показывает зрелость, силу и гибкость психики.

Мелани Кляйн оперирует понятием регресса, тем самым подыгрывая представлениям о психическом больном как о ребенке, что не совсем верно. Она сама предостерегает от понимания мира младенца как психотического, для того чтобы понять реальную разницу между ребенком в параноидно-шизоидной позиции и параноиком или шизофреником в собственном смысле этого слова, не хватая понятия интенсивности. Ясно, что взрослый индивид, с высоким уровнем развития сознания, переживает персекуторные тревоги гораздо острее ребенка, для которого они – лишь рябь на поверхности его непроработанного и погруженного в дрему сознания. По мере взросления человек все глубже ныряет в мир преследования и агрессии, и если он не рассчитает своих сил, или внешние обстоятельства, к которым относятся в данном

случае и его соматические параметры, включая неврологический статус, сыграют роковую роль, он может не выйти из данной позиции, не будучи в состоянии проработать персекуторные тревоги, вывести их на уровень тревог депрессивных. В этом смысле праведный Иов – это еще и пример невероятного психического здоровья по Кляйн. В постигающих его несчастьях, провоцирующих параноидные состояния («все против меня») он неизменно повторяет «Прав ты, Господи!», то есть, сохраняя свой внутренний объект, Бога, «хорошим».

Даже из этого в высшей степени беглого описания психической модели и процессов Мелани Кляйн видно, что психическая динамика характеризуется флуктуациями между любовью и агрессией в своем качественном отношении и между внутренним и внешним в пространственном регистре. Кляйн не только сообщает дополнительный вес метафизической концепции Фрейда об Эросе и Танатосе, но также вскрывает роль интериоризации пространственных представлений в процессе конституирования человеческого сознания, которые ведут: а) к разделению мира на внутренний и внешний; следовательно, б) к бессознательным фантазиям об обмене между внутренним и внешним мирами хорошими и плохими содержаниями (проекции и интроекции); следовательно, в) необходимости защищать свой внутренний мир от агрессии чужих плохих частичных объектов, стремящихся проникнуть в него (путем интроекции), как и внутренний мир любимого существа от агрессии собственных плохих частичных объектов, которые в порыве злобы мы вбрасываем в него (путем проекции). Всё это приводит к пониманию человека как контейнера; контейнера физического, заполненного органами и субстанциями тела, и контейнера психического, заполненного доброкачественными содержаниями любви и злокачественными содержаниями агрессии. Подобные простейшие пространственные представления внутреннего и внешнего с основанными на них представлениями о теле-контейнере Кляйн считает принципиально важными на определенном этапе. Когда она видит задержку в развитии, она прежде всего пытается дать ребенку эти базовые пространственные представления, лежащие в основании упорядочивания мира. Поэтому случай с Диком, которого она сравнивает с маленьким поездом, желающим заехать в мать-гараж, – это не только и не столько вербализация Эдипа и принудительная символизация (как полагает Лакан),

сколько прививка маленькому буксирующему сознанию базовых пространственных схем. То, что эта пространственная модель мамы-контейнера и Дика-контейнируемого имеет привязку к маме и отсылает к бессознательным эдиповым фантазиям, лишь облегчает скармливание юной психике этой модели, этой мыслительной схемы. Пространственное, т.е. концептуальное, подается в данном случае в «сладкой глазури» психически значимого и эмоционально притягательного. В этом смысле данная интерпретация действительно гениальна.

Однако на самом деле мы понимаем, что второе, то есть интерпретация с точки зрения Эдипа, возможно здесь именно благодаря первому, то есть понятию контейнера. Другими словами, миф об Эдипе символизируется поездом в тоннеле благодаря соответствующей стереометрической аналогии, которая в каждом случае палочки, проникающей в дырочку, способен отсылать (но необязательно) наше сознание к коитусу. То есть, пространственный образ контейнера и контейнируемого является первичным и основным по отношению к сюжету об Эдипе. Эдип, строго говоря, тут может быть вообще ни при чём, как необязательно вспоминать о коитусе всякий раз, когда мы видим, как один предмет вкладывается в другой. Для нас важно другое: принцип симвообразования, в основе которого лежит чисто пространственное, стереометрическое отношение. Всякий символ в конце концов есть контейнер, он контейнирует другую вещь, которую символизирует. Контейнер – это символ символа, и Мелани Кляйн делает первый шаг к этому важному открытию, одновременно приближая момент стирания границ между гуманитарным и точным знанием.

Реальность Эдипова комплекса и эволюционизм

Однако, что касается Эдипова комплекса, Мелани Кляйн обнаруживает его проявления очень рано, уже к полутора годам или даже раньше. Для нас это очень важно, поскольку Кляйн, будучи младше Фрейда, но старше Лакана, в отношении Эдипа являет собой как бы промежуточный этап между реалистом Фрейдом и конструктивистом (и инструменталистом) Лаканом.

Фрейд считает Эдипов комплекс фундаментальным – и совершенно реальным – событием психической жизни, совершающимся в четко фиксированный момент, в 4,5-5 лет. Кляйн размывает

эту четкую и жесткую схему, заявляя, что эдиповы переживания начинаются гораздо раньше. Лакан окончательно закрывает тему реальности эдипальных конфликтов, наделяя Эдипов комплекс чисто инструментальным значением: это – не реальное травмирующее событие в жизни пациента, а принцип структуризации, переупорядочивания его психической реальности. Теперь вспомним, как с этими представлениями об Эдипе коррелируют эволюционистские взгляды трех наших теоретиков психического. Фрейд открыто и многократно заявляет о своей приверженности эволюционной идее в формулировках Ламарка, вовлекая ее в свои теоретические построения и ссылаясь на других эволюционистов, например на Джексона.

Кляйн не столько поддерживает Фрейда в его эволюционистских установках, сколько старается ему не противоречить. Однако же очевидно, что для нее этот момент в его теории не является принципиальным. И, наконец, Лакан открыто нападает на эволюционизм, отрицая не только идею филогенетического развития, но даже оспаривая факт онтогенетического развития!

На самом деле, имена Фрейда, Кляйн и Лакана – лишь вехи, своего рода маркеры, поскольку у большинства ровесников Фрейда мы можем найти эволюционистскую тему (например, у Юнга или у Фромма), которая постепенно уходит из поля зрения более поздних психоаналитиков, и современники Лакана, такие как Бийон или Грин, уже говорят лишь об онтогенетическом развитии, совершенно не интересуясь развитием филогенетическим. Точно также Эдипов комплекс у них постепенно прекращает быть реальным событием детской жизни и становится, по словам Андре Грина всего лишь «незаменимой символической матрицей»²³, в качестве которой он собственно и должен быть сохранен в психоаналитической теории.

Моя мысль, возможно излишне амбициозная, чтобы для ее доказательства было достаточно одной статьи, заключается в том, что по мере развития психоанализа от Фрейда через Кляйн к Лакану происходит типичное в целом для эпистемологии этого периода движение утраты сущности, характеризующее переход от реализма к конструктивизму. Фрейд верит в психическое как сущность, в сущность психического, и поэтому он способен формулировать в отношении него позитивное знание, которое, в свою очередь, невозможно без идеи

²³ Грин А. Мертвая мать. (<http://psychic.ru/articles/classic50.htm>).

развития. Впоследствии эта психическая сущность начинает исчезать из психоаналитической теории, а ее место все отчетливее занимает символическое (конечно, как мы видели, Фрейд сам открыл эту дорожку). У Кляйн уже очень мало психического как такового, и уже очень много пространственного, которое всегда беременно символическим. У Лакана психическое отсутствует полностью, вытесненное символом, знаком, означающим, неудивительно, поэтому, что у него пропадает и понятие психической болезни, которая вырождается в неправильное употребление языка. Вместе с Лаканом, двигаясь по этому пути, психопатологию «теряет» вся антипсихиатрия, включая М. Фуко 50-х – 60-х гг.

Позитивное знание невозможно без постулирования сущности, являющейся предметом и объектом этого знания. Знание о психическом, если оно хочет быть позитивным, должно всерьез утверждать наличие, существование психического, психэ, не пытаясь свести его ни к телу, ни даже к мышлению, ни, тем паче, к языку, сохраняя именно *междисциплинарный* характер, а не подменяя одну дисциплину другой. И, в той мере, в какой позитивное знание всегда стремится увидеть свой объект более сложным и более детальным, оно (в соответствии с принципом онтоэпистемологии, по которому, изучая объект, мы тем самым его создаем) всегда будет приписывать возможность развития самому объекту. Если объектом знания о психическом является само психэ, то и эволюционировать должно психэ, которое, к тому же, в результате такой эволюции должно обретать активную роль и своего рода автономию. Поэтому дарвинизм в чистом виде не годится для науки о психическом.

Фрейд дополняет его психоларкизмом, а дарвиновскую идею эволюции психического в направлении символического – ламаркианской идеей зависимости развития организма от волевых усилий.

В период расцвета психоанализа психоаналитическая метатеория включает весь *набор необходимых для позитивного знания элементов: понятие системы (структуры), энергетизм, идею развития (эволюционизм)*. Будучи универсальными основаниями любого знания, эти элементы делают возможным взаимовлияние и взаимооплодотворение различных дисциплин, в нашем случае – психоанализа, лингвистики, а, в дальнейшем, и философии. Такое взаимообогащение идеями и методами на основе общего эпистемологического инварианта сообщает всем вовлеченным в него дисциплинам новый импульс к развитию.

Конечно, Лакан, который невольно стал в данной статье примером такого упадка психоанализа, может быть отчасти реабилитирован тем обстоятельством, что, во-первых, его отказ от идеи развития – результат влияния мысли Ф. де Соссюра, который как раз и постулировал невозможность одновременно мыслить структуру и ее развитие (либо синхрония, либо диахрония), а, во-вторых, тем, что осуществив в ряде моментов подмену психоанализа лингвистикой, он открыл таким образом переработанный психоанализ философии, что привело к образованию нового поля междисциплинарности, обеспечив новый взлет психоанализа в кругах философски ориентированных интеллектуалов, и, следовательно, формирование фундамента новой философии.

Однако, это уже тема другого исследования.

Список литературы:

1. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2001.
2. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., 1999.
3. Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа (1953-1954). М., 2009.
4. Лакан Ж. Семинары. Книга 20. Еще (1972-1973). М., 2011.
5. Руднев В. Словарь безумия. М., 2005.
6. Acéphale. Réligion. Sociologie. Philosophie. 1936-1939. Paris, 1995, № 5, 1939.
7. Sulloway F.J. Freud. Biologist of mind. Beyond the psychoanalytic legend. N.Y., 1979.

References (transliteration):

1. Bergson A. Tvorcheskaya evolyutsiya. M., 2001.
2. Binsvanger L. Bytie-v-mire. M., 1999.
3. Lakan Zh. Seminary. Kniga 1. Raboty Freida po tekhnike psikhoanaliza (1953-1954). M., 2009.
4. Lakan Zh. Seminary. Kniga 20. Eshche (1972-1973). M., 2011.
5. Rudnev V. Slovar' bezumiya. M., 2005.
6. Acéphale. Réligion. Sociologie. Philosophie. 1936-1939. Paris, 1995, № 5, 1939.
7. Sulloway F.J. Freud. Biologist of mind. Beyond the psychoanalytic legend. N.Y., 1979.